О.А. Митрошенков

Управление идентичностями: возможности и пределы (социально-философский анализ)

Митрошенков Олег Александрович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: omitrosh6@mail.ru).

Аннотация. Любая идентичность есть итог сложных социальных отношений и воздействий, в совокупности которых значимое место занимают управленческие. В современном глобализированном мире вся совокупность идентификационных ориентиров и самих идентичностей пребывает в состоянии перманентных преобразований. Система социально-экзистенциального позиционирования и индивида, и общности теряет прежнюю определённость и становится объектом конструирования, как со стороны самих себя, так и со стороны внешних для них субъектов политики (или трансформации) идентичности. В статье рассматриваются концептуальные вопросы управления идентичностями.

Ключевые слова: идентичность, социокультурный проект, управление, конструирование, форматирование, разотождествление идентичности, мягкая мощь, пределы управления, информационная повестка, информационно-сетевые войны.

Главный тезис статьи состоит в том, что любая идентичность[1] помимо того, что она, продукт сложных взаимодействий культуры, истории, множества факторов и общественных процессов, есть еще и результат сознательного целевого воздействия и управления со стороны социальных субъектов. Иначе говоря, любая идентичность есть итог сложных социальных отношений и воздействий, в совокупности которых значимое место занимают управленческие.

Управление применительно к идентичностям означает, что они могут более или менее осознанно, целенаправленно конструироваться, деконструироваться, форматироваться, переформатироваться, иначе говоря, меняться. В разные времена такое управление преследовало разные цели. Сегодня по-

[1] Социальная, культурная, гражданская, этническая, национальная, политическая, религиозная, геополитическая, психосоциальная, профессиональная, личностная и многие другие типы идентичности.

литика формирования идентичности используется (государством, церковью, элитой, СМИ, политическими субъектами и т.д.) преимущественно как инструмент выстраивания поля социальной коммуникации между носителями разных культур, религий, ценностей, идей, предпочтений и т.д. Хотя не исключаются и иные цели, например, утверждение одной идентичности в ущерб другой, вплоть до устранения носителей последней.

Сама по себе мысль о конструировании и деконструировании идентичностей не нова. После основателя теории идентичности Э. Эриксона, считавшего идентичность в целом изменчивой, пожалуй, одной из первых концептуально осмысленных моделей смены идентичности является идея «осевого времени» К. Ясперса. Осевое время — эпоха между 800 и 200 годами до н.э., когда действовали первые греческие философы, древнеизраильские пророки, основатели зороастризма в Иране, буддизма и джайнизма в Индии, конфуцианства и даосизма в Китае. Это движение, заметил С. Аверинцев, «высветлило словом и мыслью тяжеловесные массы безличной «до-осевой» культуры и создало идею личностной, экзистенциальной ответственности перед лицом анонимного бытия-в-мире; тем самым оно создало для будущих поколений всечеловечески-общезначимый завет, сравнительно с которым христианский является лишь более поздним отражением»[1]. Однако Ясперс ничего не говорит об управлении процессом смены идентичности, если не считать таковым деятельность ведущих фигур осевого времени по распространению своих идей.

Поэтому существен вопрос не только о том, что́ именно конструируется или деконструируется и даже какие механизмы при этом используются, но и о том, как и в какой степени этими процессами можно управлять. Особенно если речь идёт о коллективных идентичностях.

Идентичность формируют и корректируют (конструируют и деконструируют) как множество внешних естественных, органических факторов, так и субъективно направляемые и управляемые воздействия. Среди первых это — общество, культура, история, религия, география, ментальность общностей, язык, время, пол и т.д. Вторая группа факторов, воздействий и влияний — координируемые, управляемые усилия и действия социальных субъектов, институций и акторов по форматированию и переформатированию конкретных характеристик идентичности в сторону желаемых или заданных.

Методологически разделить эти факторы непросто. В первой группе все факторы так или иначе проявляются в деятельности социальных субъектов и конкретных людей, немыслимы вне и без них. Совокупность факторов второй группы испытывает на себе воздействие всего комплекса факторов первой. Однако исследование того, что происходило и происходит с идентичностью в прошлом и современном мире, все же обусловливает необходимость более предметно всмотреться в действия (управленческие) людей по поводу

[1] *Аверинцев С.* Ясперс // Новая философская энциклопедия. В 4 тт. — М. , 2010. — С. 516.

этой идентичности и выявить наиболее эффективные или неудачные социальные практики человечества, направленные на деконструкцию, смену, коррекцию, переформатирование идентичностей во всех их проявлениях. Это, разумеется, невозможно осуществить во всей полноте в рамках одной статьи, однако наметить контуры проблемы все же реально.

В современном мире вся совокупность идентификационных ориентиров и самих идентичностей, представленных в глобальном пространстве, пребывает в состоянии перманентных преобразований. Вся система социально-экзистенциального позиционирования и индивида, и общности, формирующая их социальный габитус, теряет прежнюю определённость и становится объектом конструирования, как со стороны самих себя, так и со стороны внешних для них субъектов политики (или трансформации) идентичности.

Мысль о том, что идентичности можно конструировать и, соответственно, управлять ими, в философской и научной литературе и социальной практике не отрицается и скорее признается, поскольку довольно часто речь идёт о концепциях, моделях, стратегиях формирования идентичности какой-либо страны, необходимости целенаправленной и осмысленной «государственной политики идентичности», конструировании той или иной позитивной или нейтрализации негативной характеристики какой-либо идентичности, и даже о борьбе за идентичность и т.д.[1] Правящие элиты стремятся придать государственному или национальному развитию новые импульсы путем формирования «проектной» (М. Кастельс) идентичности и соответствующего социального запроса на неё.

М. Кастельс в изданной в 1997 г. книге «Power of Identity» выделяет три типа идентичности: «легитимизирующую», «сопротивления», «проектную». Первый тип порождён индустриальным социумом с его традиционным пониманием гражданского общества и национального государства, второй обусловлен переходом к новому типу ценностей, создаваемых локальными общностями, третий вызван формированием субъекта, личности. В постиндустриальном обществе идея защиты личности, ее самобытности, культуры заменяет идею классовой борьбы[2].

Наднациональные органы Западной Европы, Евросоюз трудятся над формированием общеевропейской идентичности. Активно обсуждается тема це-

---

[1] См., в частности: *Гофман А. Б.* В поисках утраченной идентичности // Вопросы социальной идентичности: научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю. М. Резника и М. В. Тлостановой. — М. , 2010. — С. 252; там же: *Астафьева О. Н.* Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей. — С. 259; там же: *Резник Ю.* Человек гражданский: проблемы идентичности. — С. 316 – 325; Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа // Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. — М. , 2003; *Дробижева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в России. — М. , 2003; *Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А.* Постсоветский человек и гражданское общество. — М. , 2008. — В целом массив литературы по этому аспекту проблемы огромен и полному перечислению и обзору не поддаётся.

[2] *Castells M.* The Power of Identity. Oxford: Blackwell. 1997.

ленаправленно реализуемых программ, стратегий, которые были бы способны привить конкретным группам и общностям (молодёжи, иммигрантам, радикальным группировкам, гражданам и т.д.) определённую модель идентичности — гражданской, этнической, конфессиональной, политической и т.д.[1] Предпринимаются попытки определить наилучший сценарий идентификационной политики.

Существуют и развиваются различные теории, модели и даже технологии, например, манипулирования, идеологического или рекламного воздействия на огромные массы людей, имеющего целью смену отдельных компонентов идентичности.

Однако собственно философского анализа управленческого аспекта применительно к идентичности нам, честно говоря, встречать не приходилось. Возможно, для автора все еще впереди. Идентичность и управление как философская и научная проблемы существовали и существуют в социально-гуманитарном пространстве, похоже, сами по себе, по отдельности. Вероятно, потому, что их взаимодетерминация полагается сама собой разумеющейся, очевидной. Однако с учетом того, что в исследовании и идентичности[2], и феномена управления и его возможностей по отдельности исследователи продвинулись довольно далеко, такое положение — т.е. их рассмотрение порознь — сегодня и теоретически, и практически недостаточно и выглядит скорее недоразумением.

Осознанно-целевой, управляемо-направляемый, технологичный и результативный характер деятельности человека обусловливает изменение любой реальности, на которую она направлена, в том числе и идентичности — как собственной, так и окружающих людей. Иногда это совпадает с их замыслами, иногда — нет. В этом смысле даже процесс воспитания и образования детей в семье, детском саду, школе или вузе есть формирование и переформатирование людей и контуров их идентичности. Сюда же относится и самовоспитание. Мартин Иден, Николай Островский, прикованный к инвалидному креслу британский физик Стивен Хокинг и даже вытаскивающий себя за воротник из болота барон Мюнхгаузен в этом не одиноки. Человек, прошедший фронтовую или университетскую выучку, обретает иную идентичность, нежели индивид, попавший в криминальное сообщество. В любом случае найдутся «наставники», лидеры, которые соответственно ситуации существенно и на-

---

[1] *Попова О. В.* Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа… — С. 17.

[2] Относительно идентичности я разделяю точку зрения, в частности, М. В. Тлостановой о том, что *в классическом виде* эта проблема в социально-гуманитарном знании либо исчерпала себя, либо близка к исчерпанию. — См. : В порядке полемики // Вопросы социальной идентичности: научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю. М. Резника и М. В. Тлостановой. — М. , 2010. — С. 452 – 453. — Сегодня здесь нужны совершенно иные постановки проблемы, иные подходы и парадигмы.

правленно повлияют на процесс трансформации идентичности как отдельных людей, так и их сообществ.

Присутствие в жизнедеятельности общества и человека, в том числе в наличных и формирующихся идентичностях осознанного, целевого начал, а также управленческого и технологического элементов даёт основания рассматривать идентичности как проекты, которые люди реализуют с большим или меньшим успехом. Действия по их изменению также означают реализацию некоего проекта.

Под проектом в общем виде понимается некоторый замысел, а также совокупность идей, целей, значений, смыслов, достижение которых предусматривает деятельность в условиях ограниченных ресурсов и сроков и определённых рисков (высоких или низких), а также обеспечение необходимого качества конечного результата, чаще всего уникального. Управленческая теория и практика выработали такую область знания и деятельности, как управление проектами (project management) — определение и достижение некоторых целей и результатов при балансировании между объёмом работ, ресурсами (деньги, труд, материалы, энергия, пространство и т.д.), временем, качеством и рисками в рамках проектов. Существенным фактором успеха управления проектами выступает наличие плана, минимизации рисков и отклонений от него, эффективного управления изменениями. В этом состоит его главное отличие от обычного процессуального или функционального управления.

Разумеется, управление изменениями (конструированием или деконструированием) в идентичности, понимаемое как реализация социокультурного проекта, происходит иначе, нежели где-нибудь в бизнесе или государственной корпорации. Здесь, понятно, с «планами», «отклонениями», вообще с характером и природой деятельности дело обстоит сложнее в том смысле, что зафиксировать их так же, как это делается в бизнесе или на госслужбе, довольно трудно (хотя, по правде сказать, элементы планов и отклонений от них все же в каком-то виде могут иметь место). Особенно если под идентичностью понимать не только и не столько свойство, сколько отношение. Но в любом случае такое управление предполагает реализацию некоторых целей и достижение конкретных результатов.

Если под идентичностью подразумевать «сохранение формы объекта во времени»[1] (В. Хесле) на основе удержания некоего порождающего принципа, то смена этого принципа (а он неизбежно меняется) создаёт предпосылки и условия для смены самой идентичности.

Так, проект (принцип) гражданского общества, концептуально оформленный в трудах, в частности, Т. Гоббса и Д. Локка и сменивший прежние проекты (принципы) социального устройства (абсолютизм, вассалитет, синкретизм властей и т.д.), привёл в действие имеющиеся ресурсы в части западного (ан-

[1] *Хёсле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. — 1995. — № 12. — С. 23.

глосаксонского и романо-германского) мира, однако для его действительной реализации потребовались осознанные и целенаправленные усилия по изменению социокультурной, гражданской, политической идентичности народов, составляющих западные общества. Хотя уже сам по себе этот проект означал некоторое переформатирование существенных элементов идентичности (европейской). Именно этой логике и этой цели (хотя не только им) подчинялись, в частности, европейское Просвещение, изменения в законодательстве, буржуазные революции, напряжённая идейная и политическая жизнь, и борьба и т.д. Еще раньше в этой русле этой логики действовали мыслители Возрождения. Все эти феномены сопровождались управленческими усилиями.

В этом смысле, в частности, Просвещение, несомненно, удалось, потому что в результате идентичность (или отдельные ее характеристики) изменилась самым радикальным и в целом адекватным образом. Гражданское общество было построено, что стало успехом Запада, идентичность людей в основном стала соответствовать принципам гражданского общества. Поэтому более поздняя резкая критика Просвещения со стороны европейских (и не только) интеллектуалов, в немалой степени оправданная, все же не всегда справедлива, поскольку заставляет вспомнить, во-первых, выражение о крепости «заднего ума» и, во-вторых, о слишком больших социальных, культурных, политических ожиданиях, которые в условиях неизменного — константного — сопротивления социальной реальности всегда оправдываются лишь частично.

Похожим образом можно рассматривать и такие выдающиеся и в существенной мере воплощённые в действительность проекты лучших умов человечества, как «демократия», «правовое государство», «разделение властей», «конституционализм», «Вечный мир» И. Канта (правда, о подступах к реализации этой идеи еще и говорить не приходится, это пока скорее концепт, нежели проект), изменившие идентичности огромного количества людей.

В мировой истории имеются впечатляющие прецеденты, свидетельствующие о том, что идентичности подвергались изменениям в результате осознанных управленческих усилий. Соответственно можно проследить и исследовать, как это происходило и происходит.

Так, возникновение и шествие христианства как «вочеловечившегося Логоса» (С. Аверинцев) медленно, постепенно деконструировало и сменило религиозную идентичность множества языческих народов — где добрым словом, где мечом и огнём — на огромных территориях мирового пространства. Этот процесс шёл не сам по себе, а подчинялся управлению. Сначала он (процесс) имел центр управления и воздействия в лице соратников Христа, апостолов, затем — в виде церкви (сначала единой, затем католической, православной, протестантской) и ее иерархически-сетевого устройства. В целом этот социокультурный и религиозный «проект» оказался успешным, что, впрочем, не избавило его от множества внутренних жесточайших противоречий, кризисов, реформаций, расколов, проявлявшихся на протяжении более чем

двадцати веков в вовсе не христианских действиях и поведении и «ударных» отрядов церкви крестоносцев, и церковной элиты, и инквизиции, и многих рядовых и не рядовых верующих. Успех заключался в том, что христианская вера победно шествовала по всему свету много сотен лет и сегодня охватывает собой более 2,1 млрд. человек и все континенты и страны мира. Многие христиане именно благодаря обретённой вере и религиозной идентичности за долгие века явили миру образцы духовного мужества и стойкости.

Это относится и к буддизму, и к исламу, ставших мировыми религиями.

Конструирование христианской идентичности шло как естественно-органическим, так и насильственным путем. Трудно сказать, чего в истории человечества было больше. Однако в силу того, что Запад опережал многие регионы мира в своём развитии, он обладал исторической инициативой во взаимодействии с ними и соответственно западная идентичность преимущественно доминировала, очень часто через насилие, причём не только в связи с утверждением христианской идентичности.

Так, сознательно направляемый и вполне управляемый европейцами — англичанами, испанцами, голландцами, португальцами и т.д. (христианами, к слову) — процесс работорговли и перемещение из Африки на Карибские острова и в Северную и Южную Америку в XVI – XIX вв. миллионов африканцев насильственно изменили социальную, культурную, этническую, религиозную идентичность как самих перемещаемых, так и местных жителей, а также их потомков. Здесь, разумеется, важны были сами рабы как таковые, как рабочая сила, поэтому их африканская идентичность, никому не нужная, жестоко подавлялась и вместо неё «вбивалась», насаждалась рабская идентичность — в чисто экономических интересах («ничего личного, только бизнес»). Последующим поколениям рабов, силой отчуждённым от территории, культуры, языка, религии их предков, уже мало что напоминало об этой африканской идентичности (хотя что-то, разумеется, оставалось — от генетики, цвета кожи, психотипа, танцевальных ритмов, культов — вроде вуду — и. т.д.). По сей день проблема африканского происхождения части теперь уже коренных граждан США является «пунктом», оселком, которым поверяется политкорректность и толерантность остального населения страны. Иначе говоря, даже в этом плане едва ли можно считать завершённой «деколонизацию» американского (разумеется, не только американского) сознания, если изъясняться языком идейного течения, называемого деколониальной философией.

Как видим, осознанные усилия по смене идентичности могут быть как положительного, так и отрицательного свойства. Впрочем, ни одна из приведённых иллюстраций, как и всё в обществе, не может быть охарактеризована, исследована и понята в рамках одной-двух парадигм или объяснительных схем, тем более в манихейской дихотомической логике «позитивное — нега-

тивное», давно уже устаревшей теоретически, методологически, эпистемологически, морально[1].

Итак, сконструированные пророками, мудрецами, мыслителями, религиозными и государственными деятелями концепты, принципы, парадигмы, системы идей, а также целенаправленные усилия по изменению идентичности огромных масс людей (в разных целях) складывались в некоторый проект — социальный, социокультурный, религиозный и т.д. — и были возможны уже в далёкие библейские времена (очевидно, 40 лет хождения по пустыне евреев под водительством пророка Моисея означали стремление искоренить рабскую идентичность и обрести новую, основанную на свободе — по крайней мере так говорит одна из интерпретаций этой ветхозаветной истории) и, по-видимому, даже раньше. В нынешние гораздо более продвинутые в технико-технологическом и информационно-коммуникативном плане времена таких возможностей намного больше и воздействие на идентичность способно стать (хотя и не всегда) в высшей степени продуктивным. Что наша действительность наглядно и демонстрирует.

«Классическим» образцом насильственного изменения социокультурной, политической, этнической, национальной, религиозной идентичности, завершившимся практически на наших глазах, является феномен Косово. С XIII века край Косово — центр сербской государственности и религиозности. Однако после поражения сербского войска в битве на Косовом поле с армией Османской империи в 1389 г. и окончательного захвата Косово турками в 1454 г. начался отток сербского населения и экспансия албанского мусульманского. К 1990-м годам удельный вес последнего составил 82 %, в 2007 г. — 92 %. После этого вопрос о какой-либо идентичности, имеющей сербское происхождение в Косово, утратил своё значение. Проект, поддерживаемый в течение веков Турцией, а на последнем этапе — Западной Европой, успешно завершился. Сербы практически ни на что в нем уже не могут рассчитывать, разве что на чудо.

Здесь, разумеется, можно возразить: идентичность сербов не изменилась, они оказались просто изгнанными из Косово. А это совсем не то, что называется сменой идентичности. И вообще не следует путать демографию с идентичностью. В целом это верно, но не во всем. Идентичность сербов все же изменилась. К унижению, испытанному в результате поражения на Косовом поле в 1389 г., они испытали унижение, связанное с грубым изгнанием их из Косово в 1990-е гг., поддержкой этого изгнания Западом, фактическим отторжением края от Сербии и признанием его независимым государством в 2000-е гг., готовностью политической элиты страны на любые уступки ради вступления в Евросоюз. А это именно то, что требовалось, по-

[1] Это не значит, что в социуме не должно быть некоторых абсолютов и табу — «не убий», «не укради» и т.д., исключение инцеста, каннибализма и т.д. Без них социуму грозит распад и дезорганизация.

скольку слишком неуступчивыми и самобытными были на протяжении веков Сербия и её православный народ для Западной Европы[1].

Элементы подобного сценария, кстати, не исключаются и для самих стран Запада, в которых, по признаниям их лидеров (Германии, Франции, Великобритании), политика мультикультурализма провалилась. Нарастание удельного веса чужеродного населения в этих странах способно самым серьёзным образом изменить идентичность коренного населения. В Париже уже сегодня встретить коренного француза европейского происхождения не так просто.

Еще одним прецедентом целенаправленного насильственного (и весьма успешного) изменения национальной, религиозной, языковой, культурной идентичности в геополитических целях является драматическая история Галиции и Волыни — части Западной Украины. Более пяти веков находившиеся под давлением и управлением Польши, Австро-Венгрии их жители, считавшие себя русскими, были оторваны от экономического и культурного развития русского и малороссийского народов. Ватикан, Варшава и Вена стремились уничтожить родственные узы, религиозную, языковую и культурную общность жителей Галиции и Волыни с русским народом, Россией, вытравить у них все проявления русскости[2]. Первым шагом в этом направлении стала Брестская Уния 1596 года, подорвавшая православные основы духовного бытия галичан и способствовавшая смене их идентичности. «Фактически Брестская уния положила начала формированию на западноукраинских землях отдельного народа со своей духовностью и культурно-исторической традицией».[3] Отказ от веры предков заложил в основу смены идентичности предательство. И в дальнейшем становление угодного Варшаве и Вене этноса представляло собой непрерывную цепь измен. Вслед за верой жертвами стали язык, культура, история и даже собственное название (рутены, украинцы вместо русинов, русских)[4]. Предательскую роль в деле перерождения идентичности русского населения западноукраинских земель сыграла галичанская элита.

Императору Францу-Иосифу I удалось «заквасить» галичанскую идентичность на антироссийский «дрожжах». Его русофобия отчеканилась в формуле: «Наше будущее — на Востоке, и мы загоним могущество и влияние России в те рамки, за которые она вышла. Наш естественный враг на восто-

---

[1] Описание процессов, связанных с феноменом Косово, не претендует на полноту, глубину и точность расстановки акцентов. Для этого нужно больше времени и места. Это описание подчинено целям статьи.

[2] *Фомин А. И.* Станет ли Украина большой Галичиной? — Свободная мысль. — 2009. — № 11. — С. 75.

[3] *Толочко П. О* «хорошем» Западе и «плохом» Востоке. — Киев. — 2008. — С. 19.

[4] См. : *Фомин А. И.* Указ. соч. — С. 75.

ке — Россия»[1]. Перерождение Галиции было для Вены и самоцелью, и средством реализации антироссийских замыслов. Галичане должны были стать и инкубатором русофобских идей для Украины, и крестоносцами, призванными завоевать ее для Вены. На этом пути просвещённой Австрии были и виселицы, и казни, и концентрационные лагеря Терезин и Талергоф, и запреты на профессии по национальному признаку, и навязывание нового языка и т.д.

Этот проект по насильственному разотождествлению, распредмечиванию, т.е. смене идентичности сотен тысяч людей безусловно удался. История показала, что значительная часть населения, элита Галиции оказались враждебно настроены по отношению к России, что проявляется и в наши дни. Отдельные очаги русскости и русской идентичности в Галиции носят «мерцающий» характер — не в том смысле, что эта идентичность множественна и высвечивается разными гранями, а в том, что она остаточна, фрагментарна и постепенно затухает, испытывая давление и не ощущая поддержки. Оставшиеся не многочисленные русины сегодня испытывают в Западной Украине громадные трудности и сопротивление в проявлении собственной идентичности.

Эти и многие другие исторические сюжеты (например, действия Польши по полонизации населения Западной Украины и Западной Белоруссии в 1920–1939-е гг.) показывают, что смена идентичности может происходить в процессе жёсткого, силового управленческого воздействия на неё.

Возможна смена идентичности и результате «мягкой мощи» (soft power).

Крестовые походы, религиозные войны и расколы, инквизиция, работорговля, первоначальное накопление капитала, Ку-Клукс-Клан, революции, фундаментализм, нацизм, фанатизм, коллективизация сельского хозяйства, шоковая терапия в России (растянутая на 20 и более лет), закрытие национальных школ и СМИ, ограничение употребления языка и т.д. — варианты попыток жёсткой смены идентичности.

Привнесение письменности, религиозные миссионеры, радио «Свобода», музыка «Битлз», джинсы, пепси-кола, Макдональдс, «Плейбой», джаз, ликвидация безграмотности, общество потребления, Интернет, экономическая и информационная экспансия (европейская, американская, китайская) во все регионы мира, гламуризация разных сфер социума и т.д. — воздействие на идентичность и изменение ее характеристик посредством «мягкой мощи».

Оба подхода осуществляются в процессе управления, оба могут быть успешными, однако проявления успешности при этом оказываются разными. Использование «мягкой мощи» в воздействии на идентичность более органично и действенно, происходит постепенно, и процесс смены или деконструкции идентичности растягивается на более продолжительное время. Для применения «мягкой мощи» ее носитель должен быть достаточно сильным,

[1] Там же. — С.76.

чтобы полагать ее более эффективной и не скатываться к силовым методам. Однако чаще всего обладание силой искушает к ее использованию.

Управление изменениями в идентичностях, понятно, отличается от управления изменениями, например, в бизнесе. Отличаются все основные функции — целеполагание, планирование, организация, координация, мотивация, контроль. Однако эти функции все же присутствуют и в управлении идентичностями. Изменения в идентичностях более долговременны, чётко сформулированных планов часто не существует — разве что какие-нибудь полумифические «Протоколы сионских мудрецов» или «Майн Кампф».

Отсутствие управления, а нередко и наличие его способно конструировать отрицательную (негативную) идентичность. Так, отсутствие управления подготовкой государственной элиты с высокой степенью вероятности ведёт к тому, что приходящие к власти и в управление окажутся не готовы к такой роли — масштаб и горизонты мышления оказываются недостаточными, стратегическое видение отсутствует, доминирует отрицательный отбор (то есть на передний план выходят прежде всего агрессивные, алчные, изворотливые, профессионально несостоятельные, аморальные, не выбирающие средств индивиды), интересы элиты не идентифицируются с интересами страны и находятся за ее пределами[1]. Отсутствие серьёзной работы с идентичностью национальной элиты и бюрократии ведёт к тому, что формируется идентичность бюрократии не в веберовском смысле (основанная на протестантской религиозности и этике и европейской рациональности), а в современном российском или африканском обнаружении — коррумпированная, беспредельно алчная, компрадорская, неквалифицированная, непатриотичная и т.д. Поэтому идентичность монархов, президентов, премьеров, министров, бюрократии, элиты в целом нуждается в предметном внимании и контроле со стороны общества.

В процессе управления изменениями в идентичности ее не всякое задуманное и управляемое изменение удаётся. Любая идентичность сопротивляется — этносы, нации, языки, культуры, религии и т.д. Гитлер хотел немцев превратить в высшую расу, однако для него и его окружения все плохо закончилось. Есть проблемы с американской нацией, в частности, плохо работает знаменитый «плавильный тигль». Российские староверы сохраняют свою идентичность со времён раскола в русской православной церкви в XVII веке и ничто не говорит о том, что они собираются что-то менять в ней. Не вполне удался эксперимент с формированием новой исторической общности — советского народа. Хотя сложившиеся компоненты его идентичности вполне просматриваются и сегодня, после прекращения эксперимента снова зримо проявились элементы прежних идентичностей — этнические, конфессиональ-

[1] Двойное гражданство (на всякий случай), недвижимость, бизнес за границей, счета в зарубежных банках, дети в зарубежных университетах.

ные, клановые, кастовые и иные формы квазисоциальной самоидентификации. Отрицательные элементы в идентичности россиян, уходящие в глубины времён татаро-монгольского ига, абсолютизма, крепостничества, изживаются трудно. Поэтому не следует преувеличивать и переоценивать возможности управления идентичностями. Но и недооценивать и преуменьшать — тоже.

Скажем иначе. В истории вовсе не безусловно, что те, кто полагает себя инициаторами или распорядителями социально-экзистенциальной динамики и идентичности, оказываются несомненными бенефициариями. Часто случается, что при переходе, например, революции из ее идейно-религиозной стадии в бизнес-стадию, т.е. стадию перераспределения статусов, власти, авторитета, богатства, управления, организации общественного производства инициаторы и лидеры становятся маргиналами, страдальцами или даже прямыми жертвами (жирондисты, эбертисты, якобинцы, левые эсеры, ленинская гвардия, иранские исламо-марксисты и т.д.). «Притязания на силовое пересоздание коллективных и индивидуальных идентичностей сталкиваются с тяжёлой фактурой истории»[1].

В сознательном изменении элементов идентичности значительно влияние таких феноменов, как реклама, средства массовой информации и коммуникации, манипулирование, всевозможные кодексы и т.д. Они формируют социальный запрос, моду, и в результате — различные идентичности («массового человека», человека «потребляющего» и оттого «одномерного» (Маркузе), «успешного», «гламурного», «богатого», «профессионала» и т.д.). Проблема в том, что сами авторы таких изменений в идентичности никогда не знают, что в итоге получится, какими могут быть последствия. Поэтому, скажем, эскалация насилия на экране способна обернуться эскалацией насилия в реальности и в результате против самих, например, журналистов или политиков — немало их погибло и погибает в результате того, что они «успешно» способствовали деструктивному изменению ценностной структуры идентичности общества. Сама по себе крайне нерациональная для общества стратегия эскалации чрезмерного потребления и гедонизма оборачивается для людей излишним напряжением сил в погоне за ложно понимаемыми престижем, модой, гламуром и т.д.

Поскольку всё в обществе обладает внутренней противоречивостью, управление изменениями идентичности ничуть не лучше и не хуже управления (за исключением очевидно силовых и деструктивных случаев), например, научными знаниями и открытиями — и то, и другое можно использовать как во благо, так и во вред человечеству. Сами по себе знания и открытия ценностно не хороши и не плохи, их использование зависит от внутренней культуры, идеалов, ценностей, интересов людей. Если же идеалы, ценности и ин-

---

[1] *Рашковский Е. Б.* Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн… // Идентичность как предмет политического анализа… — С. 33–34.

тересы изначально формируются как деструктивные, то их носители во власти и управлении с высокой степенью вероятности будут на их основе обращать имеющиеся ресурсы себе на пользу и во вред обществу. Поэтому общество заинтересовано в выработке системных мер защиты против нарастания таких деструктивных элементов идентичности, недопущении их свыше определённого минимума, сверх критической массы, и прежде всего в кругах национальной элиты, особенно властно-управленческой. Как известно, по М. Веберу, бюрократия — это не только социальная сила, но еще и особый ментальный тип, основанный на догматах (мыслитель исследовал прежде всего западную бюрократию) протестантской религиозности и этики, задающих облик целой культуры и общественной эпохи модерна[1].

Элементы идентичности могут устаревать и переставать соответствовать вызовам времени. Упорство в сохранении идентичности способно привести к плачевным результатам. Жители острова Пасхи вымерли, поскольку вопреки здравому смыслу сохраняли ненужные, малозначимые элементы своей идентичности, состоявшие в том, чтобы в целях ложно понимаемых чести и достоинства возводить никому не нужных каменных истуканов и тратить на это скудные и последние силы и ресурсы, которых уже не хватило для выживания. Истуканы остались, население прекратило своё существование[2].

Жители Гренландии, викинги, выходцы из Северной Европы, долгое время (около 450 лет) сохраняли свою христианскую идентичность, и соответствующий ей бытовой и экономический уклад (фермерское хозяйство и т.д.). Однако в суровых условиях острова они нуждались в освоении некоторых иных способов жизнедеятельности и хозяйствования, в частности, которые использовали и используют коренные его жители — инуиты. Европейцы-викинги не вняли этой необходимости и в результате свели своё присутствие на острове к минимуму, сойдя с исторической сцены[3].

В трансформирующихся обществах укоренённость элементов неадекватной, несовременной социальной идентичности блокирует формирование ее гражданских оснований. Их подменяют, повторим, этнические, конфессиональные, клановые, кастовые и иные формы квазисоциальной идентификации. В процессе адаптации традиционалистских структур к современности возникают гибридные идентичности, которые могут стать источником как модернизации, так и демодернизации и дезинтеграции общества. Элита, ее идентичность становятся в этих условиях ключевым фактором, задающим вектор динамики[4].

---

[1] *Серкина Н. Е.* Парадигма социального управления в теории и практике социальной модернизации. Дис. к. филос. н. — Йошкар-Ола, 2005. — С. 70.

[2] См. : *Даймонд Д.* Коллапс. — М. , 2009.

[3] См. : там же.

[4] *Семененко И. С.* Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа… — С. 10.

Существенным является вопрос о степени и пределах управляемости идентичностями. Такая управляемость, видимо, возможна в той мере, в которой любая идентичность может быть рационализирована, формализована, смоделирована, и все это может быть применено к ней как реальности, обладающей синергетической природой. Никакого точного прогноза здесь быть не может. Он может быть лишь предельно вероятностным, общим, неконкретным. Скорее всего ситуацию с идентичностями можно охарактеризовать как управляемый (в той или иной мере) хаос. Микроидентичности (потребления, корпоративные, кастовые и т.д.) могут быть сконструированы быстрее и конкретнее, макроидентичности требуют больших усилий на протяжении более продолжительного времени (этническая, религиозная, социальная, гражданская и т.д.). Искоренение нежелательной идентичности может осуществляться также посредством устранения (в разных формах) ее носителей (Косово, а также некоторые ближайшие соседи России, блокирующие употребление русского языка, и т.д.). Конструирование новой идентичности в таком случае происходит на освободившемся месте в результате целенаправленного воздействия на новый человеческий субстрат.

Особой сферой и средством управления идентичностями выступают с некоторых пор Интернет и различные информационные сети. Их управленческо-идентификационное влияние обнаруживается посредством как минимум двух вариантов: а) формирования информационной повестки дня; б) информационно-сетевых войн.

Информационные повестки дня в виде списка наиболее важных тем образуют виртуальное сетевое меню. В процессе приобщения к нему пользователи сознательно или бессознательно начинают переформатировать свою идентификационную матрицу. Информационные повестки дня в Сети — это не только и не столько стилистически оформленные проблемы, выведенные в заглавии ключевых поисковых систем. Прежде всего это — огромный электронный ресурс, тонкое и профессиональное использование которого даёт совершенно невероятный и поразительный эффект в управлении идентичностями огромных масс людей и индивидов. Инициаторами формирования информационных повесток дня в Сети могут выступать конкретные сообщества, гражданские организации, партии, органы власти, этнические и религиозные структуры, отдельные пользователи, лоббисты, преступные группировки и т.д. Спектр используемых сценариев может быть огромным — от авторских комментариев в авторском блоге до самых разнообразных видеосюжетов. «Повестка дня» окажется успешной, если трансляция послания произойдёт на той «частоте» («волне»), на которую настроена некоторая совокупность людей — чем больше, тем успешнее. Она становится доступной всему миру, не встречая границ и временных рамок.

Информационные повестки дня в Сети могут отражать реальные и насущные проблемы и способствовать их обсуждению, но могут и отвлекать от них,

выставляя на первый план информационный шум и мусор в виде незначительных, но вызывающих любопытство тем. Они могут «сеять доброе, вечное», но способны и разжигать рознь и экстремизм в обществе. По причине стремительного обновления информационного потока (повесток) в Интернете идентичность огромной массы пользователей приобретает характеристики фрагментированности и ситуативности[1].

Информационно-сетевые войны, в отличие от рискованных традиционных войн, чреватых большими потерями, особенно в случае применения ядерного оружия, делают полем сражения ментальную сферу, самосознание народов, их идентичности. Борьба в информационном пространстве велась во все времена, однако в наши дни возможности информационных технологий многократно усиливают ресурсы такой борьбы и ее значение. Успех в этой сфере достигается меньшими усилиями, несопоставимыми с издержками реальных войн. Жертва обычно недооценивает информационную агрессию против идентичности в силу ее неочевидной разрушительной силы, растянутости во времени, пребывая в благодушном настроении или вообще ничего не осознавая.

Первым шагом в изменении идентичности противника становится дискредитация, девальвация, разложение, а затем и уничтожение базовой системы ценностей, идентификационной матрицы нации[2]. Безболезненность восприятия информационной агрессии массовым сознанием достигается тем, что она преподносится как восхождение по пути прогресса, как цивилизационная замена архаично-отсталого социума более развитым, стоящим на более высокой ступени. Особенность информационного воздействия состоит в том, что в результате элита страны-жертвы передаёт контроль над стратегически важными ресурсами агрессору совершенно добровольно, поскольку это шаг воспринимается как прогрессивное движение вперёд, овладение «новым мышлением», укрепление основ демократии, обеспечение прав человека, построение правового государства и т.д. Именно так был разрушен СССР, в этот момент не участвовавший ни в каких разрушительных войнах. Политика «гласности» М. Горбачева открыла каналы для подрыва основ советского общества при полнейшей неготовности населения, партийно-государственной элиты и органов безопасности страны к управляемому массированному информационному воздействию. Люди оказались слишком доверчивыми и идеологически обезоруженными[3]. Это — одна из ключевых причин геополитической катастрофы — распада СССР.

---

[1] *Лекторова Ю. Ю.* Конструирование информационных повесток дня: выбор идентичности в сети // Идентичность как предмет политического анализа... — С. 62 – 64.

[2] См. : *Карякин В.* Информационно-сетевые войны // Свободная мысль. — 2011. — № 5. — С. 155 – 156.

[3] Там же. — С. 161.

Успех в деле развала СССР и социалистической системы «привёл к появлению целой серии технологий информационного воздействия на основы государственности, которые приняли системный характер и в своей совокупности оформились в виде информационно-сетевых войн, задачей которых является подрыв, а затем и разрушение базовых характеристик нации»[1].

Управляемое информационно-сетевое воздействие устремлено на идентификационные матрицы и архетипы индивидов и общностей, в результате чего происходит замещение базовых ценностей навязанными чуждыми идеями и ориентирами. В конечном счёте происходит разотождествление, распредмечивание идентичности, слом ее архитектоники. При этом факт имплантации неприятельских ментальных вирусов проходит чаще всего незамеченным для социума. Объектом информационно-сетевого воздействия становится идентичность как государственно-управленческой и культурной элиты, так и населения страны. Не располагая надёжными средствами выявления информационной агрессии, они оказываются неспособными на организованный отпор противнику, что обрекает их на геополитическое поражение. Недооценка эффективности таких войн и технологий сегодня широко распространена, в том числе в России, и это многократно усиливает их поражающую силу.

К действиям по замене и подмене ключевых элементов идентичности народов-жертв в рамках сетевых войн противник подключает разные ресурсы — Интернет, все основные поисковые системы, социальные сети, СМИ, религиозные организации, неправительственные фонды, учреждения культуры, общественные движения и т.д. «В совокупности они осуществляют так называемую распределённую атаку (выделено мной — О. М.), оказывая многочисленные точечные разрушающие воздействия на общественную систему страны под знаменем «развития демократий и гражданского общества» и «соблюдения прав человека»[2]. Накопленный опыт по изменению идентичности и воздействию на массовое сознание позволяет реализовывать какие угодно сценарии и проекты — изменение основ государственности («оранжевые» революции в Восточной Европе, «цветные» — в Центральной Азии, волнения в странах Северной Африки и Ближнего Востока в 2011 году), гламуризация жизни и политики, макдональдизация общества, утверждение ценностей массового общества и потребления, внедрение комплекса мины или пораженческой психологии, даже проведение геноцида без газовых камер и массовых расстрелов — достаточно повлиять на снижение рождаемости (путем утверждения, например, культа свободы от детей, популяризации и распространения однополых браков) и увеличения смертности (посредством утверждения моды на сигареты, алкоголь, наркотики, содействуя росту коррупции и соответственно преступности и т.п.).

---

[1] Там же. — С.156.

[2] Там же. — С.157.

Управление переформатированием идентичности учитывает природу информационно-сетевых структур, которые не предполагают жёсткой иерархии в силу их сущностной гетерогенности, проявляющейся в автономности их элементов и горизонтальных связях. Последние реализуются через социальные связи и Интернет, что не позволяет своевременно выявлять и пресекать их деятельность.

По сообщению британских СМИ («Гардиан»), в США реализуется программа информационно-сетевого воздействия на проблемные регионы с использованием сетей «Twitter» и «Facebook», центр управления которой находится на базе ВВС США «Макдилл» во Флориде. В нем работают 50 операторов, каждый из которых руководит 10 «агентами влияния» в разных странах, выполняющими их задания по ведению информационной войны по всем правилам политических технологий. Программа хорошо финансируется и предусматривает для каждого из агентов убедительную легенду и меры по защите от разоблачения. Любое воздействие на американскую аудиторию запрещено, английский язык не используется. Общение ведется только на арабском, урду, пушту, фарси, т.е. на языках тех стран, которые представляют интерес с точки зрения воздействия на общественную стабильность[1].

Таким образом, информационно-сетевая стратегия «управляемого хаоса» является эффективным средством деконструкции и переформатирования идентичностей целых стран и народов, осуществляемых в интересах авторов и инициаторов такой стратегии[2].

Вовлечение людей в практики, имеющие позитивный социальный эффект и соответствующее признание, формирует и позитивное отношение к связанными с ними субъектам. И наоборот, неорганичные принудительные практики имеют обратный эффект. Так, применение массовых мобилизационных технологий для повышения, например, электоральной активности, в т.ч. молодёжи, как правило, отрицательно сказывается на формировании гражданской идентичности, поскольку она подменяется мобилизационным сознанием. С государством или политической партией, которая использует тебя исключительно как электоральный ресурс, чувства сопричастности и солидарности не возникает[3]. Никакой пользы, кроме несущественной ситуативной, это не приносит, в том числе такому государству и такой партии.

Россия, как и любая страна, нуждается в адекватном управлении идентичностью своего населения. Здесь возникает много трудностей разного характера. Во-первых, в стране много этносов, социальных общностей и групп. Какой

---

[1] См. : там же. — С.158. См. также: *Е. Пустовойтова*. Разбомбить Ливию. Четвёртое действие всемирного спектакля. 20 марта 2011 года. Фонд стратегической культуры. – www.imperiya.bu.

[2] См. : *Расторгуев П.* Философия информационной войны. — М. , 1999; *Панарин И.* Технология информационной войны. — М., 2003.

[3] *Самаркина И. В.* Политическая картина мира в структуре социальной идентичности // Идентичность как предмет политического анализа… — С.62 – 64.

идентичностью управлять? Во-вторых, в страну приезжают активные люди со всего мира, причём их пассионарность носит как позитивный, так и негативный характер. В-третьих, страна сосредоточивает множество мигрантов, в том числе чуждых культур. В-четвертых, требуется решить ряд методологических проблем, связанных с управлением идентичностями (степень познаваемости и управляемости, синергетическая природа, количественные и качественные методы, технологии и т.д.).

Несмотря на эти и другие трудности, управление идентичностью россиян должно иметь место. Иначе это «место» пустым не останется, заполнится неуправляемым содержанием и может выйти из-под контроля. Ориентирами, контурами идентичности населения страны должны быть ценности и идеи не позавчерашнего дня, а развитого и динамично-инновационного общества, адекватные вызовам времени и обеспечивающие лидерские позиции не только в на евразийском континенте, но и в мире.

© Митрошенков О. А., 2011